

— Нет! Не хочу! Отпусти! — Лэн Сянлянь, которую Цзи Жань тащил вниз по склону, побелела от страха и, ухватившись за дерево, отчаянно не отпускала его. — Цзи Жань, не лезь не в своё дело! Если посмеешь разболтать, я закричу, что ты домогался меня, похитил ребёнка и угрожал! Посмотрим, кому поверят — тебе или мне!

— Ты! — Цзи Жань никогда не встречал столь жестокой и бесстыдной женщины и сильно разозлился. — Не хочешь идти? Ладно! Тогда оставайся здесь, тиграм на съедение!

Он больше не стал с ней бороться, отпустил и, взяв корзину, быстрым шагом зашагал вниз по склону.

Если Цзи Жань, таща её, вызывал у Лэн Сянлянь ужас, то теперь, когда он уходил с ребёнком, она испугалась не меньше.

— Отдай мне ребёнка!

Она как безумная бросилась на Цзи Жаня. А тот стоял всего в шаге от обрыва — если бы она его толкнула, плохо пришлось бы обоим: сорвутся вниз — и конец.

Цзи Жань стоял спиной и среагировал не сразу, от страха у него даже волосы дыбом встали. К счастью, рядом был Лу Чжэнь — он пнул Лэн Сянлянь, и та упала. Но пнул он с оглядкой: женщина только что родила, силу рассчитал, лишь чтобы сбить с ног, не причинив вреда. Вдобавок, если бы она здесь пострадала, Цзи Жаню потом пришлось бы долго объясняться.

Вдвоём, с ребёнком, они спустились с горы. Лэн Сянлянь, опомнившись, поднялась и, спотыкаясь, бросилась за ними. Лицо её было белым как полотно, а губы дрожали при одной мысли о последствиях.

Когда Лэн Сянлянь выходила из дома, ребёнок всю дорогу вёл себя тихо, заплакал лишь на полпути в гору, поэтому никто не обратил внимания. Теперь же, когда Цзи Жань спускался с ним, плач не умолкал, и многие деревенские это заметили. Все гадали, откуда у Цзи Жаня младенец, но, видя его мрачное лицо, спрашивать не решались.

Однако даже с лицом разъярённого духа Цзи Жань не мог остановить людское любопытство. Не спрашивая, они украдкой наблюдали, как он с корзиной направился напрямиком в дом Лу.

Ворота усадьбы Лу были распахнуты, и Цзи Жань с ребёнком вошёл без стука.

Детский плач был громким, но собравшиеся обсудить, как подставить Цзи Жаня, члены семьи Лу сначала не придали этому значения — подумаешь, ребёнок капризничает. В доме новорождённый — плач дело обычное. Но скоро они насторожились: им послышался голос Цзи Жаня.

— Есть тут кто?!

Действительно, это был Цзи Жань. Раз ребёнок не привлёк внимания, пришлось крикнуть.

Домашние насторожились, переглянулись.

— Почему плач всё ближе? — сказал Лу Чаньюань, поднимаясь. — Пойдём, посмотрим, в чём дело.

Он вышел, и все остальные, сидевшие в комнате, тут же встали и гурьбой вывалились со двора

стариков.

Едва большая семья вышла за ворота, как им навстречу попался Цзи Жань с мрачным лицом, несущий корзину с плачущим младенцем.

— Это ты... — Старуха Лу недоумённо посмотрела на корзину. — Зачем пришёл?

Цзи Жань сунул корзину прямо в руки Лу Чангэну:

— Своего сына сам и держи.

— Как мой сын оказался у тебя? — Лу Чангэн откинул ткань и, увидев своего недавно родившегося ребёнка, переменялся в лице.

— Это спроси у своей славной жены, — ответил Цзи Жань, зная, что Лэн Сянлянь вот-вот войдёт следом. — Твоя жена утащила ребёнка на заднюю гору, пыталась выкопать яму и заживо похоронить. Я помешал.

— Что за чушь ты городишь! Сянлянь она...

Лу Чангэн не договорил, как увидел, что Лэн Сянлянь, вся в грязи, вбежала во двор. Увидев корзину в руках мужа, она резко остановилась.

— Муж... — Лэн Сянлянь пристально смотрела на корзину. — Почему ты вынес ребёнка, не сказав мне? Он... он, наверное, голоден, поэтому так плачет. Дай мне, я покормлю!

Выражение лица у неё было паническим. Не договорив, она сделала несколько шагов вперёд и протянула руки, чтобы забрать корзину, но Лу Чангэн с подозрением уклонился.

— Почему ты в таком виде? — Лу Чангэн посмотрел то на Цзи Жаня, то на Лэн Сянлянь, и брови его гневно сдвинулись. Цзи Жань говорил, что его жена хотела заживо похоронить собственного сына — он сначала не поверил, даже подумал, не украл ли Цзи Жань ребёнка со злым умыслом. Но, взглянув на Лэн Сянлянь, он почувствовал, как сердце ёкнуло. Если Цзи Жань врёт, отчего же Сянлянь так перепугана?

— Я... я просто услышала, как он плачет, и мне стало жалко... — Лэн Сянлянь под подозрительными взглядами всех присутствующих покрылась мурашками, но всё же упрямо тянулась к корзине. — Муж, ребёнок голоден, скорее отдай его мне.

Она трусила, боясь, что тщательно скрываемый изъян ребёнка обнаружат. Из-за этого она даже дала акушерке денег, чтобы та молчала. Но она не знала, что чем больше старалась скрыть, тем больше вызывала подозрений.

Старуха Лу первой почувствовала неладное.

Едва Лэн Сянлянь коснулась корзины, как старуха Лу внезапно бросилась вперёд, оттолкнула её локтем и сорвала с корзины ткань. Младенец, видимо, устал плакать, и теперь лишь тихо хныкал с закрытыми глазами. Личико его покраснело от напряжения, черты были изящными, выглядел он мило — вроде бы ничего особенного.

Старуха Лу, не увидев ничего странного, с недоумением повернулась к Лэн Сянлянь, но та была бела как смерть и дрожала, не в силах сдержаться. Явно боялась. Померяв её взглядом, старуха Лу вдруг развернулась и принялась разматывать пелёнки младенца.

Распеленав, она первым делом проверила пол ребёнка, и лишь затем мельком глянула на ножки. Но этого взгляда хватило, чтобы лицо её исказилось. Она ахнула, резко сунула корзину обратно в руки Лу Чангэну и отступила на несколько шагов.

— Ноги... Урод!

Крик старухи Лу заставил всех членов семьи взглянуть, и их лица тоже исказились. Лу Чангэн же, уставившись на хныкающего в корзине младенца, побледнел от злости, а руки, державшие корзину, сжались так, что выступили вены.

Лэн Сянлянь, увидев, что тщательно скрываемую тайну выставили на всеобщее обозрение, наконец лишилась сил и рухнула на землю, разрыдавшись навзрыд.

Цзи Жань, собиравшийся после возвращения ребёнка уйти, застыл на месте от неожиданного поворота событий. Он знал, что у ребёнка деформированы пальцы на ногах, но реакция семьи Лу заставила его насторожиться.

И точно: пока Цзи Жань стоял в оцепенении, Лу Чангэн с силой швырнул корзину вверх — он хотел насмерть разможжить ребёнка о землю.

Цзи Жань глаза вытаращил и, не раздумывая, бросился ловить. К счастью, корзину не перевернуло, ребёнок остался лежать внутри, и Цзи Жань поймал её на лету.

В тот миг, когда он поймал корзину, младенец от испуга снова заходился в плаче, а лицо Цзи Жана почернело окончательно. Из-за лишних пальцев на ногах родная мать хотела его закопать, родной отец — разбить! Да они что, люди? Хуже зверей!

Самое печальное, что в семье Лу никто не видел в убийстве ребёнка ничего предосудительного. Более того, когда Цзи Жань поймал корзину, все нахмурились и смотрели на него с осуждением, а на ребёнка — с отвращением и страхом.

— Этот урод — знак беды! Принесёт несчастье нашей семье, нельзя оставлять! — голос старухи Лу был пронзительным и резким.

— Верно! Это дитя — несчастливое отродье. Оставишь — накличешь беду. Цзи Жань, знаю, ты с нашей семьёй не в ладах. Родила вторая такая урода — тебе только радость, оставь его, пусть нас губит. Но не забывай, ты тоже из семьи Лу. Беда придёт — и тебя не минует, — Гао Хуэй, крепко прижимая к себе своих двоих малышей и закрывая им глаза, смотрела так тревожно и напряжённо, будто Цзи Жань держал не ребёнка, а часовую бомбу, готовую взорваться в любую секунду.

— Второй, чего стоишь? Твоя жена чудовище родила, быстрее забирай и разбирайся, а то он нас сейчас сгубит! — Лу Чанцин, дрожа, заслонил собой старшего сына.

Старик Лу молчал, но на лице его был отчётливо написан ужас.

Лу Чаньюань посмотрел на ребёнка, затем на Цзи Жана и обернулся к Лу Чангэну:

— Второй брат, об этом нельзя давать знать деревенским. — Смысл был ясен: разобраться с ребёнком нужно тихо, за закрытыми дверями.